

**ВРЕМЕННОЕ И ВЕЧНОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗЕ
КРЕСТНОГО ХОДА: «БОРИС ГОДУНОВ» А. С. ПУШКИНА
И «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И. С. ШМЕЛЕВА**

М. Н. Коннова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 29.07.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-5

Исследуются особенности художественного преломления категорий времени и вечности в исторической драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» и романе И. С. Шмелева «Лето Господне» на примере художественного образа крестного хода. Утверждается наличие глубинной содержательной общности художественных образов двух произведений, в основе которой лежит понимание крестного хода как явления вечности в хронотопе земной, физической реальности. Демонстрируется, что несмотря на единство внутренней темпоральной природы, художественные образы «Бориса Годунова» и «Лета Господня» различны как с точки зрения причинной обусловленности крестного хода (церковно-государственного в пушкинской драме и церковно-народного в романе И. С. Шмелева), так и по степени детализации художественного образа: «свернутая», «сценарно» сжатая в «Борисе Годунове» картина крестного хода в «Лете Господнем» развертывается, открывая индивидуально-личные, семейные, народные грани осмысляемого явления.

Ключевые слова: *время, вечность, А. С. Пушкин, «Борис Годунов», И. С. Шмелев, «Лето Господне», крестный ход.*

Цель настоящей статьи состоит в исследовании особенностей выражения временных и вневременных смыслов в исторической драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» и в романе И. С. Шмелева «Лето Господне».

Для литературного произведения темпоральное начало имеет ключевое значение: время является здесь и объектом, и субъектом, и средством изображения (Лихачев, 1997, с. 5). Становясь «художественно-зримым» (Бахтин, 2000, с. 10), время отражает различные реальности: жизнь отдельного человека, историческое бытие народа, представления о вечности. В многомерном хронотопе литературного текста сливаются индивидуальный и национальный темпоральный опыт, личностное и сверхличностное, новаторское и традиционное.

Сложный и многогранный феномен художественного времени относится к числу хорошо изученных как с литературоведческой, так и с лингвистической точек зрения. Вместе с тем характерный для европейской гуманитарной мысли «разрыв между вечным и временным» (Бер-



дьяв, 1990, с. 58), приведший к абсолютизации временности в качестве важнейшей характеристики бытия, стал причиной того, что в современной филологической темпорологии достаточно редко оказывается в поле зрения вопрос том, как в хронотопе художественного произведения соотносятся темпоральные планы времени и вечности. Не имея возможности в рамках данной статьи детально исследовать указанный вопрос, мы рассмотрим особенности сопряжения временных и вневременных смыслов на примере только одного художественного образа — *крестного хода*.

Неотъемлемая часть русской национальной культуры, крестные ходы в течение столетий сопровождали все значительные для русского человека события. В сознании народа они соотносились с определяющими моментами жизни общества и масштабными государственными событиями, что отразилось в народных исторических песнях и духовных сказаниях, в произведениях русской литературы и в изобразительном искусстве (ср., «Крестный ход в Курской губернии» И. Е. Репина). Феномен крестного хода, подробно описанный этнографами, историками, социологами, с филологической точки зрения еще предстоит изучить. Это и определило проблемное поле настоящей статьи, целью которой является рассмотрение особенностей художественного преломления категорий времени и вечности в образе крестного хода в двух различных по жанру и времени создания произведениях — исторической драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» и романе И. С. Шмелева «Лето Господне».

Трагедия «Борис Годунов», написанная в декабре 1824 — ноябре 1825 года, во время ссылки в Михайловском, создается А. С. Пушкиным в новом для русской литературы жанре исторической драмы. Это произведение, вдохновленное «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина, представляет собой «пушкинскую художественную концепцию истории», конечный смысл которой раскрывается только в перспективе абсолютной картины мира (Непомнящий, 1999, с. 451). В этом понимании истории обнаруживает себя, по словам С. Л. Франка, «русско-христианское религиозное начало» (Франк, 1987, с. 91). Основным содержанием «Бориса Годунова» является жизнь человеческого духа, которая воплощается в диалоге между поступками людей и вечными истинами христианских ценностей (Непомнящий, 1987, с. 305). Обращаясь к событиям рубежа XVI—XVII веков, А. С. Пушкин воплощает в своей исторической драме христианскую систему ценностей допетровской русской культуры, ее религиозную точку зрения на бытие и место в нем человека. Создается художественная картина мира, в которой абсолютным центром жизни была Церковь — не «учреждение» или общественный институт, но совокупное, соборное единство всех православных, от царя до крестьянина (Непомнящий, 2001).

Образ крестного хода возникает в начальной, «прологовой» части трагедии, относящейся ко времени избрания Бориса Годунова на царство в феврале 1598 года. Общепризнанное молебное шествие носит государственно-соборный характер, знаменуя собой момент чрезвычайного общественного напряжения. Оно происходит на рубеже двух истори-



ческих периодов — эпохи Рюриковичей, завершившейся со смертью царя Феодора Иоанновича (1557—1598), и царствования Бориса Годунова, которое обернулось для России началом Смутного времени.

О крестном ходе как части торжественного чина избрания на царство говорит в своей речи к народу думный дьяк Андрей Щелкалов:

Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирью Москвою
И на венец благословит Бориса (Пушкин, 1986, с. 358).

В изображении крестного хода А. С. Пушкин опирается на «Историю государства российского» Н. М. Карамзина, заимствуя из нее не только информативно-содержательные элементы, но в ряде случаев и словесные формы. Ср.: «Святители в общем совете с боярами уставили *петь*, 21 февраля, во всех церквах праздничный *молебен*, и с обрядами торжественными (ср. *отпев торжественно молебен* — у А. С. Пушкина), с святынею Веры и отечества, в последний раз испытать силу убеждений и плача над сердцем Борисовым... В сию ночь не угасали огни в Москве: все готовилось к великому действию — и на рассвете, при звуке всех колоколов, *подвиглась* столица (ср. *воздвигется* — у А. С. Пушкина). Все храмы и дома отворились: духовенство с пением вышло из Кремля; народ в безмолвии теснился на площадях. Патриарх и владыки несли иконы знаменитые славными воспоминаниями: *Владимирскую и Донскую* (ср. с *иконами Владимирской, Донской* — у А. С. Пушкина), как святыне знамена отечества; за клиром шли *синклит, двор*, воинство, приказы, выборы городов (ср. *а с ним синклит... да сонм дворян, да выборные люди* — у А. С. Пушкина); за ними устремились и *все жители московские* (ср. *и весь народ московский православный* — у А. С. Пушкина), граждане и чернь, жены и дети, к Новодевичьему монастырю, откуда, также с колокольным звоном, вынесли образ Смоленской Богоматери навстречу патриарху...» (Карамзин, 1997, с. 290; здесь и далее курсив в цитатах наш. — М. К.).

Воспроизводя ключевые вехи повествования Н. М. Карамзина точно, почти буквально, А. С. Пушкин создает в «Борисе Годунове» новый — индивидуально-авторский и при этом типический, общенародный — образ крестного хода. Рассмотрим его основные содержательные особенности.

Обстоятельство *заутра* («Заутра вновь святейший патриарх...») помещает повествование в план будущего. Картина священного молебного шествия, эпическую торжественность которого подчеркивает плавное течение пятистопного ямба, разворачивается в метафизическом пространстве ожидания-предвидения, оставаясь благоговейно скрытой от непосредственного наблюдения.



Во внутренней структуре художественного образа крестного хода выделяются две части, в которых находит свое отражение иерархия «небесное — земное», «священное — мирское», «вечное — временное». Во главе крестного хода — *святейший патриарх*, символически представляющий собой весь освященный церковный собор, и «святые знамена Отечества» — иконы *Владимирская* и *Донская*. Их присутствие в высшей степени знаменательно. Икона Божией Матери *Владимирская* — главная святыня Русского царства, историей своего почитания неразрывно связанная с ключевыми событиями государственной и церковной жизни. Впервые принесенная в Москву из Владимира в 1395 году для защиты от нашествия Темир-Аксака (Тамерлана), она многократно избавляла столицу от внешних врагов и внутреннего неурядства. В образе *Донской* иконы память о победе великого князя Дмитрия Донского в Куликовской битве соединяется с воспоминаниями о знаменательных событиях новейшей истории — о победе царя Ивана Грозного в Казанском походе 1552 года и об избавлении Москвы от крымского хана Казы-Гирея по молитвам царя Федора Иоанновича в 1591 году. Участие в крестном ходе чудотворных икон *Владимирской* и *Донской* помещает историю русского государства во вневременной план Священной истории. В этом стремлении освятить земную царскую власть, сделать законное правление с самого его начала согласным с волей Превечного Бога отражается смиренное осознание древнерусскими людьми конечной несамостоятельности, неавтономности человека.

Двукратный повтор корня *-свят-* («святейший», «Предшествуем хоругвями святыми») подчеркивает священную природу крестного хода, его принадлежность одновременно реальности земной и миру небесному, времени и вечности. Причастность молебного шествия пространству вечности оттеняет и предикат *воздвигнется*. Сохраняя корень используемого Н. М. Карамзиным глагола *подвигнуться* («подвиглась столица»), в котором общее значение движения по горизонтальной плоскости совмещено с эмоциональными компонентами смятения, поспешности, А. С. Пушкин заменяет его приставку на *воз-*, сообщая всему слову семантику движения вверх (ср. *воздвигнути* — «поднять, воскресить, возвысить»). Глагол *воздвигаться* лежит в основе отглагольного существительного *Воздвижение* — эллиптического имени двенадцатого праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября), и это сообщает ему способность актуализировать ценностную семантику движения-подвига, движения-служения. Отделенное от подлежащего *патриарх* тремя стихами ретардации, намеренно акцентированное в сильной позиции «стыка» двух синтагм, сказуемое *воздвигнется* привносит ассоциации с движением высоко поднятых хоругвей — священных знамен Церкви — и самой своей фонетической формой напоминает о торжественной величественности многотысячного народного шествия.

Предикат *воздвигнется* отделен от следующей синтагмы цезурой. Пунктуационно маркированная точкой с запятой, цезура намечает границу смысловых частей в картине крестного хода, подчеркивая его внутреннюю упорядоченность. Церковь небесная, зримыми символами



которой являются хоругви, иконы Владимирская и Донская, предваряет Церковь земную — собор мирян, образ которого вводит противительный союз *а* («а с ним синклит...»). Соединительные союзы *да*, *и* выделяют в описании этого многоликого шествия отдельные «сословно-иерархические» группы. Предложная конструкция семантики совместного действия *с ним* («...а с ним синклит, бояре») намечает круг ближайших к патриарху лиц — царский *синклит* и *бояр*. Двукратный повтор союза *да* присоединяет к родовой боярской знати служилое дворянство («да сонм дворян») и представителей Земского собора («да выборные люди»). Союз *и* вводит последнюю, наиболее многочисленную группу участников крестного хода — «И весь народ московский православный». Дифференцированная в «Истории» М. Н. Карамзина («все жители московские, граждане и чернь, жены и дети»), эта часть крестного хода обозначается А. С. Пушкиным собирательным именем *народ*. В следующем стихе — «Мы все пойдем молить царицу вновь, / Да... на венец благословит Бориса» — инклюзивное местоимение *мы* и определительное местоимение *все* призваны подчеркнуть единство русского народа. Высвечивание идеи соборности-единения («Мы все...») свидетельствует об упразднении сословных границ в освященном хронотопе крестного хода.

Таким образом, на небольшом текстовом пространстве А. С. Пушкин воссоздает многомерный образ общенародного крестного хода. В его целостном хронотопе время становится сопричастным вечности; дальнее, Церковь земная, освящается соприсутствием горнего, Церкви небесной.

Если в «Борисе Годунове» образ крестного хода дается в сжатом, «свернутом» виде, то в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» его описанию посвящена отдельная глава — «Крестный ход. Донская», представляющая собой вполне самостоятельный, законченный по форме и содержанию художественный текст, эта глава-очерк создает художественный образ молебного шествия, который в течение почти трех столетий ежегодно совершался из Кремля в Донской монастырь 19 августа (по старому стилю) в память о чудесном избавлении Москвы от крымского хана Казы-Гирея в 1591 году.

Имя собственное *Донская*, указывающее на чудотворный образ Божией Матери, молитвами перед которым Москва была спасена тогда от гибели, отсылает к знаменательной победе в Куликовской битве, одержанной русским воинством под предводительством великого князя Дмитрия 8 сентября 1380 года. Победа, совершившаяся в верховьях Дона и Непрядвы, связывается в православном народном сознании с заступничеством Божией Матери по молитвам преподобного Сергия Радонежского. Совершившееся однажды во времени, это прецедентное для исторического бытия русского государства событие выходит за границы линейного времени, ежегодно являя себя в благоговейном праздновании-почитании Пресвятой Богородицы в Ее чтимой иконе.

Описание Крестного хода в романе «Лето Господне» включает три части — преддверие праздника, сам праздник и вечер праздничного дня. Структура повествования соотносится, таким образом, с трехчаст-



ным строением наиболее почитаемых, двенадцатых праздников Церкви, включающих предпразднство, сам день праздника и период попразднства.

Начальное слово главы, хрононим *завтра*, эксплицирует ключевой для первой части главы мотив ожидания-приготовления: «*Завтра у нас Донская*». Событийное наполнение имени «Донская» раскрывает следующее, развернутое сложносочиненное предложение: «*Завтра Спас Нерукотворный пойдет из Кремля в Донской монастырь крестным великим ходом, а Пречистая выйдет Ему навстречу в святых воротах. И поклонятся Ей все Святые и Праздники, со всех хоругвей*» (Шмелев, 2007, с. 208).

Здесь впервые возникает ключевой мотив небесной встречи-сретения («Спас Нерукотворный пойдет... а Пречистая *выйдет* Ему *навстречу*...»). Совершающаяся во вневременном хронотопе горнего мира ангелов и святых, встреча-сретение разворачивается в мире земном в координатах священного пространства Церкви («из *Кремля* в *Донской монастырь*», «в *святых воротах*») и вовлекает множество человеческих личностей как призванных по обетованию Божию к наследию Царствия Небесного: «...*Встретятся* у донских ворот, Пречистая со Спасителем! и *все воспоют*... и певчие чудовские, и монахи донские, и *весь крестный ход* — “Царю Небесный...” а потом — “Богородице Дево, радуйся...”! И *все-то хоругви*, и Святые, и Праздники, в золоте-серебре, в цветочках... *все преклонятся* пред Пречистой... Цветочки-то почему? А как же, самое чистое творение, Архангел Гавриил с белым цветочком пишется» (Шмелев, 2007, с. 209).

Однородные подлежащие, вводимые соединительным союзом «и», собирательно указывают на участвующих в торжестве Церковь земную («и певчие чудовские, и монахи донские, и весь крестный ход») и Церковь небесную («и Святые, и Праздники»). Вводимые здесь начальные слова молитвы Святому Духу («Царю Небесный...») и архангельского благовестия («Богородице Дево, радуйся!») подчеркивают причастность грядущего праздника вневременной реальности богослужения, в котором «стираются грани времени и открывается тайна вечности» (Мечев, 2001, с. 162). В праздничном событии, описываемом формами совершенного вида «пойдет», «выйдет навстречу», «поклонятся», «встретятся», «воспоют», «преклонятся», будущее становится вневременным настоящим. Идея всеобщего единения, актуализируемая в тексте четырехкратным повтором определительных местоимений «весь», «все», связывается с образом благодарного поклонения Той, Чьим заступлением была некогда спасена русская земля от войск Мамаю: «...все преклонятся пред Пречистой». Встреча-сретение, совершающаяся в двуедином, объединяющем земное и небесное, временное и вечное, в хронотопе праздника, соотносится в народном сознании с темпоральным планом истории Отечества.

Начальная временная граница самого дня праздника намечается эмфатической местоименной конструкцией «*вот и*», оттеняющей желанную близость давно ожидаемого события: «*Вот и “Донская” наступила*» (Шмелев, 2007, с. 215).



Величественное шествие Крестного хода, торжественное в своем плавном течении, предстает в непосредственной близости живого созерцания («я знаю их», «Я вижу»). Первые хоругви — из родной для И. С. Шмелева церкви Казанской иконы Божией Матери у Калужских ворот: «Мальчик, в бело-глазетовом стихаре, чинно несет светильник, с крестиком, на высоком древке. *Первые за ним хоругви — наши, казанские, только что в ход вступили.* Сердце мое играет, я знаю их» (Шмелев, 2007, с. 217). Ощущение сопричастности, соучастия в происходящем передается эмфатически обособленным определением «родная» («...смотрит в небо, в золотую хоругвь, *родную*: Светлое Воскресение Христово») и притяжательным местоимением «наш» («хоругви — *наши*, казанские...», «она убрана цветами, *нашими* георгинами и астрами»). Повторяемые наречие «трудно» («*трудно* ему идти», «должно быть, *трудно*»), прилагательное «тяжелый» («несет *тяжелую*, старую хоругвь», «несет другую *тяжелую* хоругвь нашу») эксплицируют значение Крестного хода как служения-подвига, как «святого дела», связываемого с мыслью о предельной, абсолютной ценности: «Слезы мне жгут глаза: радостно мне, что это *наши*, с *нашего* двора, служат святому делу, могут и жизнь свою положить, как извозчик Семен, который упал в Кремле за ночным Крестным ходом, — сердце оборвалось. Для Господа ничего не жалко. Что-то я постигаю в этот чудесный миг... — есть у людей такое... выше всего на свете... — *Святое, Бог!*» (Шмелев, 2007, с. 218).

В значении темпоральной неограниченности, недискретности, свойственном неоднократно повторяемым в тексте предикатам несовершенного вида «благословляют», «плывут», находит свое имплицитное выражение идея вневременности. В пространстве физической реальности Крестный ход становится явлением вечности, откровением Церкви небесной, торжествующей: «*Кольшется-плывет сонм золотых хоругвей, благословляет нас всех, сияет Праздниками, Святыми, Угодниками, Мучениками, Преподобными...*» (Шмелев, 2007, с. 219).

Темпоральная ткань Крестного хода соткана из различных временных пластов. Современная повествователю действительность купеческой Москвы сопрягается с прошлым. В настоящем неотъемлемо присутствует многовековая история. Чин шествия хоругвей — живых, зримых свидетелей старины — становится своеобразным углублением в историческое прошлое Отечества: «А эта *при французах* еще была, горела — не сгорела, Преображения на Болвановке... Пятницы-Параскевы, редкостная хоругвь, с *Бориса Годунова*... а рядышком, черная-то хоругвь... темное серебро в камнях... страшная хоругвь эта, камения с убиенных сняты, дар *Малюты Скуратова*, церкви Николы на Берсеневке, триста годов ей, много показнил народу безвинного... несет ее... ох, гляди, не под силу... смокнул весь... ах, ревнатель, литейный мастер Овчинников» (Шмелев, 2007, с. 219). Прецедентные имена метонимически актуализируют образы драматических периодов в истории России, периодов народных испытаний и сугубой народной молитвы — опричнины 1565–1572 годов («дар *Малюты Скуратова*... *триста годов ей*»), Смутного времени начала XVII в. («редкостная хоругвь, с *Бориса Годунова*...»), Отечественной войны 1812 года («*при французах* еще была»).



Воплощением древней, великокняжеской Руси становятся святыни Кремлевских соборов — живые свидетели далекого прошлого. Шествие кремлевских хоругвей предваряет образ великомученика Георгия — святого покровителя Москвы: «На конике-то белом... смотри-смотри... *Георгий-Победоносец*, что в Яндове... Никола Голутвинский... Косьма-Дамиан... Вознесения на Серпуховке... Воскресение Словущего, в Монетчиках... Гляди, гляди... *кремлевские начинают надвигаться!*...» (Шмелев, 2007, с. 219–220).

Двойной повтор перцептивных глаголов в форме императива-обращения «смотри-смотри...», «гляди-гляди...» создает ощущение замедления времени, подчеркивая величие древних святынь. Составное сказуемое «начинают надвигаться», привносящее ассоциации с образом военных дружин — великокняжеских полков, шествующих под боевыми знаменами, имплицитно мыслит об исконном значении Кремля как первоначала московского государства — «хранителя славы, святынь российских, хранителя былых страданий» (Шмелев, 1998, с. 204): «Тяжелые, трудные хоругви. Их несут по трое, древки в чехлы уперты, тяжелой раскачкой движутся, — темные стрелы-солнца, — лучи из них: *Успение, Благовещение, Архангелы, Спас на Бору, Спас-Золотая Решетка, Темное Око, строгое... Чудовские, Двенадцати Апостолов, Иоанн Предтеча...* — древняя старина» (Шмелев, 2007, с. 220).

Имена хоругвей, вводимые однородными сказуемыми («Успение, Благовещение, Архангелы, Спас на Бору, Спас-Золотая Решетка»), метонимически указывают на древние кремлевские соборы — Успенский (1475–1479), Благовещенский (1489), Архангельский (1508), Спасо-Преображенский (1330), Верхоспасский (1635–1636). Отсутствие глагольных сказуемых оттеняет вневременной характер созерцаемых святынь, в которых разделение разрозненных темпоральных пластов прошлого, настоящего и будущего преодолевается всецелым устремлением к вечной, неизменной Истине. Имя «Темное Око» перекликается с названием пребывающей в Успенском соборе чтимой иконы Спаса Вседержителя «Спас Ярое Око» (XIV век). Обособленное определение «строгий» («Темное Око, строгое»), вынесенное в сильную позицию конца предложения, раскрывает эсхатологический смысл слова-символа «Око» в именовании иконы Спасителя. Синонимичное эпитету «ярый» («пылкий, гневный, суровый»), оно раскрывает представления о правде Божией, отсылая к образу грядущего Страшного Суда, который совершится на грани исторического времени и вечности.

Кульминацией Крестного хода становится явление Нерукотворенного образа Спасителя: «А вот и духовенство, несут Спаса Нерукотворенного, образу сему пять сот лет, а то и боле. Великая Глава Спаса: темная, в серебре, тяжелая икона. На холстине Его несут. Певчие, в кафтанах, — цветных, откидных, подбитых, — и великое духовенство, в серебряных и злаченных ризах: причетники, дьяконы, протопопы в лиловых камилавках, юноши в стихарях, с рипидами: на золоченых древках лики крылатых херувимов, дикирии и трикирии, кадила... — и вот, золотится митра викарного архиерея. Поют “Царю Небесный”» (Шмелев, 2007, с. 221).



Завершает главу видение Крестного хода, являющееся во вневременном пространстве памяти: «...До сего дня живо во мне нетленное: и колыханье, и блеск, и звон, — Праздники и Святые, в воздухе надо мной, — небо, коснувшееся меня. И по сей день, когда слышу светлую песнь — “...иже везде сый и вся исполняй...” — слышу в ней тонкий звон столкнувшихся хоругвей, вижу священный блеск» (Шмелев, 2007, с. 223). Обстоятельство «до сего дня», анафорически повторяемое, оттеняет единство прошлого — трепетное чувство пережитой в детстве радости праздника, и настоящее — благоговейную память о нем. Значение «открытости актуального бытия» (Петрухина, 2013, с. 239), привносимое граммемой настоящего времени перцептивных глаголов «слышу», «вижу», высвечивает мысль о происходящем в пространстве праздника преодолении раздробленности земного, фрагментарного времени (Бердяев, 1990, с. 56). Слова молитвы Святому Духу — «...иже везде сый и вся исполняй...», свидетельствующие о всеприсутствии Того, Кто «не есть Бог мертвых, но живых» (Лк. 20: 38), подчеркивают сопричастность планов прошлого и настоящего подлинной и пребывающей действительности — вечности. Это есть та реальность благобытия, которая, по мысли Н. А. Бердяева, являет собой целостное время, вечный сегоднешний день, в котором всё свершается *ныне* и в котором есть «одно лишь истинное настоящее» (Бердяев, 1990, с. 55).

Проведенное исследование свидетельствует о глубинной содержательной общности художественных образов крестного хода в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» и романе И. С. Шмелева «Лето Господне». Объединяющим выступает сопряжение в них категориальных смыслов временного и вневременного: в хронотопе земной, физической реальности крестный ход предстает как явление вечности, откровение Церкви небесной, торжествующей, помощи которой испрашивает Церковь земная. Мир горний, вечный мир святых, соприкасается в Крестном ходе с миром дольным, человеческим. Единые в раскрываемой ими внутренней темпоральной природе крестного хода, художественные образы «Бориса Годунова» и «Лета Господня» отличаются целым рядом особенностей. В «Борисе Годунове» крестный ход, выступающий важнейшей частью чина избрания на царство, имеет церковно-государственный характер, в «Лете Господнем» — церковно-народный, отражающий народное благоговение перед святыней и историей. Различен временной ракурс изображения крестного хода, которое в «Борисе Годунове» дается в модальности будущего, а в «Лете Господнем» — как реальность непосредственного созерцания. Этим обусловлена и неодинаковая степень детализации художественного образа: «свернутая», «сценарно» сжатая в «Борисе Годунове» картина крестного хода в «Лете Господнем» «развертывается», открывая перед читателем самые разные — индивидуально-личные, семейные, общинные, народные — грани осмысливаемого явления. Обусловленные жанрово-стилистической природой произведений, эти различия не затеяют, но, напротив, высвечивают общее основание художественных образов «Бориса Годунова» и «Лета Господня», ставших отражением живой веры русского человека в то, что «вечное является во времени, вечное может быть во времени воплощено» (Бердяев, 1990, с. 405).



Список литературы

- Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000.
- Бердяев Н. А. О небесной истории. Время и вечность // Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 49–66.
- Карамзин Н. М. История государства Российского : в 3 кн. СПб., 1997. Кн. 3.
- Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. М., 1997.
- Мечев Сергей, священномученик. Тайны богослужения. Духовные беседы. Письма из ссылки. М., 2001.
- Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных // Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М., 2001. URL: www.wco.ru/biblio/books/pushkin2/Main.htm (дата обращения: 03.08.2019).
- Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. М., 1987.
- Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. М., 1999.
- Петрухина Е. В. Когнитивная значимость категории настоящего времени // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. СПб., 2013. С. 233–241.
- Пушкин А. С. Соч. : в 3 т. М., 1986. Т. 2.
- Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Париж, 1987.
- Шмелев И. С. Собр. соч. : в 5 т. М., 1998. Т. 2.
- Шмелев И. С. Лето Господне. М., 2007.

Об авторе

Мария Николаевна Коннова, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: MKonnova@kantiana.ru

Для цитирования:

Коннова М. Н. Временное и вечное в художественном образе крестного хода: «Борис Годунов» А. С. Пушкина и «Лето Господне» И. С. Шмелева // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 58–68. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-5.

TIME AND ETERNITY IN THE LITERARY IMAGE OF THE CHURCH PROCESSION: PUSHKIN'S *BORIS GODUNOV* AND SHMELEFF'S *THE YEAR OF THE LORD*

M. Konnova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016 Russia

Submitted on July 29, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-5

This article considers the depiction of the church procession to examine the literary interpretation of time and eternity in Alexander Pushkin's historical drama Boris Godunov and Ivan Shmeleff's novel The Year of the Lord. The two texts share fundamental similarities in literary images. The church procession is portrayed as a manifestation of eternity in the tangible reality of this world. Despite their common temporal nature, images in Boris Godunov



and The Year of the Lord differ in terms of both motivation (state-driven in Pushkin's drama and public-driven in Shmeleff's novel) and the degree of detail. The description is condensed and script-driven in Boris Godunov, whereas the church procession in The Year of the Lord unfolds before the reader to reveal personal, family-related, and public aspects of the phenomenon.

Keywords: time, eternity, Alexander Pushkin, Boris Godunov, Ivan Shmeleff, The Year of the Lord, icon-bearing procession.

References

- Bakhtin, M. M., 2000. *Epos i roman* [Epic and novel]. St. Petersburg (in Russ.).
- Berdyayev, N. A., 1990. On celestial history. Time and eternity. In: N. A. Berdyayev, ed. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow. pp. 49–66 (in Russ.).
- Karamzin, N. M., 1997. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 3 kn.* [History of the Russian state: in 3 books]. Kaluga (in Russ.).
- Likhachov, D. S., 1997. *Istoricheskaya poetika russkoi literatury* [Historical poetics of Russian literature]. Moscow (in Russ.).
- Mechev, Sergii, hieromartyr, 2001. *Tainy bogoslužheniya. Dukhovnye besedy. Pis'ma iz ssylki* [Mysteries of liturgy. Spiritual sermons. Letters from exile]. Moscow (in Russ.).
- Nepomnyashchy, V. S., 2001. Let the descendants of the Orthodox know. In: V. S. Nepomnyashchy, ed. *Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My* [Let the descendants of the Orthodox know. Pushkin. Russia. We]. Moscow (in Russ.).
- Nepomnyashchy, V. S., 1987. *Poeziya i sud'ba. Nad stranitsami dukhovnoi biografii Pushkina* [Poetry and destiny. Reading Alexander Pushkin's spiritual biography]. Moscow (in Russ.).
- Nepomnyashchy, V. S., 1999. *Pushkin. Russkaya kartina mira. Seriya «Pushkin v XX veke»* [Pushkin. Russian world view. Series "Pushkin in the XX century"]. Vol. VI. Moscow (in Russ.).
- Petrukhina, E. V., 2013. Cognitive significance of the category of the present tense. In: A. V. Bondarenko, ed. *Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki* [Verbal and nominal categories in the system of functional grammar]. St. Petersburg. pp. 233–241 (in Russ.).
- Frank, S. L., 1987. *Etyudy o Pushkine* [Essays on Pushkin]. Paris: YMCA Press (in Russ.).
- Shmelyov, I. S., 1998. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Selected writings: in 5 vol.]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Maria N. Konnova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: MKonnova@kantiana.ru

To cite this article:

Konnova, M. N. 2020, Time and eternity in the literary image of the church procession: Pushkin's *Boris Godunov* and Shmeleff's *The Year of the Lord*, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 58–68. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-5.